18+

Ирина Мутовчийская

Владивосток. Миллионка. Украденное платье мадам Харуко

Четвертая книга из серии «Хайшенвей»

Ирина Мутовчийская

Миллионка. Тени прошлого в лабиринте криминального квартала

«Издательские решения»

Мутовчийская И. З.

Миллионка. Тени прошлого в лабиринте криминального квартала / И. З. Мутовчийская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746722-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Полукровка Си украла платье мадам Харуко, и теперь её разыскивает русская и китайская полиция. В «Миллионке» оживает легендарный китайский квартал дореволюционного Владивостока — место, где под краснокирпичными стенами скрываются тайны и мистика, а узкие улочки и подземные катакомбы хранят следы давно забытых судеб. В канун китайского Нового года группа подростков оказывается втянутой в опасные приключения, переплетённые с городскими легендами о тайных ходах, призраках и запретных обрядах.Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746722-7

© Мутовчийская И. З.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация 6
Часть первая. Владивосток. Миллионка. Си. 8
Глава первая. Си. 9
Глава вторая. Ся Линь 20
Глава третья. Гришка 23
Глава четвертая. Ларочка 30
Глава пятая. Толи 35
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Миллионка
Тени прошлого в лабиринте криминального квартала

Ирина Зиновьевна Мутовчийская

© Ирина Зиновьевна Мутовчийская, 2025

ISBN 978-5-4474-6722-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

1907 год. Город Владивосток. Несколько лет назад Российская империя потерпела поражение в Цусимском сражении. В этом городе есть квартал Миллионка, где живут азиаты: китайцы, корейцы и японцы. Они занимаются торговлей, шумят, крадут и убегают. Здесь же можно встретить и русских людей, попавших в тяжелое положение. Этот квартал можно назвать интернациональным. Контрабандисты, бандиты и даже японские шпионы чувствуют себя здесь как рыба в воде.

Однажды в квартале произошла кража – было украдено платье мадам Харуко, японки, в цветке-брошке которой было спрятано донесение. Казалось бы, что здесь такого особенного? На Миллионке каждый день происходят кражи и убийства, но на этот раз пропажу ищут не только русская, но и китайская полиция. Господин Харуко боится, что донесение попадёт не в те руки, и начальник полиции получает большие деньги в обмен на обещание поймать преступницу.

Однако в Миллионке любой преступник может найти множество мест для укрытия. Хибары, фанзы, ветхие домишки, банки, публичные дома, питейные заведения, цирюльни – все эти строения соединены подземными и чердачными ходами. А ещё есть подземелье, которое тянется далеко за пределы города и, по слухам, позволяет под землёй миновать условную границу и выйти в Китай.

Си (Анастасия), укравшая платье, корейская девочка-полукровка, прячется в подземелье. Здесь у неё открываются странные способности, и она встречает своих будущих друзей. Все, кто находится в катакомбах-подземелье, нечаянно получают сверхспособности, когда натыкаются на подземный город Чжень, или по-другому Чжу. Некоторые из ребят, в том числе Си, получают доступ к священной книге народа Чжу.

Когда облава заканчивается, Си и её друзья выбираются наверх. Улицы шумят, играет визгливая музыка, в воздух летят хлопушки – Миллионка празднует китайский новый год. Друзья Си – русские Елена и Гриша, Виктор, маленькая Ларочка, японцы Токагава, Енеко и Толи, китаянка Ся Линь – расстаются. Однако они ещё не знают, что подземелье и тайный город Чжу связал их на всю жизнь.

Много приключений ждут ребят. Они будут бороться с призрачным жрецом киданей, прятать и защищать друг друга, будут ухаживать друг за другом, когда почти смертельно заболеют, получив прививку от тайн города Чжу. Тайный подземный город Чжу зовёт наших героев. Каждый из ребят борется против этого зова по-своему. Кто-то сдаётся, а кто-то борется с ним. Один из героев чуть не умирает, превратившись из взрослого парня в младенца всего лишь за неделю. Елена, русская девочка, потомок рода Шуби, в минуту опасности обретает призрачные крылья и переносится в город Харбин, где, по слухам, спрятана вторая магическая книга народа Чжу.

Ребята часто спускаются в подземелье. Камень-птица указывает им путь в темноте. Однако случается непредвиденное: семью японцев в срочном порядке вынуждают вернуться домой, в Японию. Просочился слух, что в тот момент, когда шла поимка японского шпиона, Толи и Токагава были в подземелье и не помогли соотечественнику-шпиону. Си вынуждена бежать в Китай, потому что её преследуют китайские бандиты хунхузы. После этих событий тайный город Чжу становится недоступен остальным ребятам, стена перегораживает проход. Два человека – метиска Си и японец Толи – были ключами, которые открыли проход к тайному городу, теперь ребята далеко, и проход закрылся, но они вернутся! И когда это произойдёт, проход к тайному городу чжурчжэней и таинственной книге откроется снова.

Эта история произошла в конце февраля, на Миллионке. Было начало нового, двадцатого века, нового года по китайскому календарю, нового дня. Для героев моей истории этот китайский Новый год стал переломным. Но сейчас – раннее утро, когда над тесными улочками ещё висит сизый туман, а в переулках слышится только отдалённый звон колокольчиков и скрип телег. Каждый из действующих лиц занят своим делом и не подозревает, что совсем скоро привычный уклад их жизни будет разрушен.

В этот час Миллионка просыпается особым образом: в лавках зажигаются первые фонари, на дверях китайских трактиров появляются красные бумажные талисманы, а по дворам проносится ветер, приносящий с собой запах пряностей, угля и чего-то тревожного, неуловимого. В этот день, когда граница между старым и новым особенно тонка, даже самые опытные игроки и торговцы чувствуют, как что-то невидимое скользит вдоль стен, следит за каждым шагом.

Итак, время пошло. А время на Миллионке – это деньги. Деньги, которые просто так никто не даст, и за которые убивают. На Миллионке всё просто: взмах ножа, удавка на шею – и жизнь обрывается в полумраке, среди запаха дешёвого вина, пота и пролитой крови. Здесь, где каждый миг может стать последним, даже тени на стенах кажутся живыми, а шёпот за спиной – предвестником беды.

Но пока герои ещё не знают, что их ждёт впереди. Они идут навстречу своей судьбе, не ведая, что эта ночь и этот Новый год навсегда изменят их жизни.

Часть первая. Владивосток. Миллионка. Си.

Глава первая. Си.

Я украла платье у мадам Харуко, и если городовой сейчас вдруг повернёт направо, то окажусь в участке, а концерт в театре Тао Меняно начнётся без меня. Сегодня предпоследний день китайского Нового года – Миллионка уже почти две недели живёт в ритме бесконечного праздника.

Несмотря на пронизывающий мороз, улицы полны жизни: китайские акробаты, фокусники, дрессировщики выступают прямо на мостовой, ловко жонглируя и вызывая восторженные крики публики.

Музыка льётся со всех сторон, хлопушки разрывают воздух короткими залпами, а в нос бьёт особый запах – смесь пряностей, жареного мяса, дыма и чего-то неуловимо восточного.

Этот запах невозможно спутать ни с чем: пахнет Китаем, в котором я, между прочим, никогда не была.

Я так хотела стать своей на этом празднике, выделится из толпы, чтобы зрители услышали, как я пою. Но оказалось, что я выросла из своего выходного платья – ещё три месяца назад оно сидело идеально. Я расстроилась, даже хотела отказаться от концерта, но тут вспомнила про мадам Харуко и её платье. Её горничную, тоже японку, недавно сбила пролётка – к счастью, не насмерть. Я помогла ей подняться, подобрать платье, выпавшее из картонной коробки. Оно почти не пострадало, только намокло от талого снега. Девушке было тяжело идти, и я довела её до дома мадам Харуко, даже сопроводила до гардеробной, где она, испуганно оглядываясь, повесила платье в шкаф.

Когда мы уходили, я с сожалением оглянулась на это платье. Девушка пошла к хозяйке, а я – к выходу. Меня никто не заметил.

Это было вчера. А сегодня я украла это платье. Подумала, что всё обойдётся, и скоро я буду петь в нём на сцене. Но ошиблась: меня видели, теперь ищут. Вероятно, вечером на концерте я не спою – хотя, кроме хозяина театра, этого, конечно, никто не заметит.

Этот концерт должен был стать моим первым настоящим выступлением.

Городовой повернул налево. Я ещё долго слышала его свисток, но когда звук затих, так и не решилась вылезти из своего укрытия. Моя шубка на рыбьем меху совсем не грела, и чтобы

не замёрзнуть, я начала осторожно двигаться, одновременно выискивая щель, куда можно было бы юркнуть, если вдруг появится опасность.

Как же хорошо, что я живу во Владивостоке, и особенно – на Миллионке! Это мой родной район, я знаю здесь каждый закоулок, каждый лаз, каждую крышу и подземный ход. Сейчас, когда весна ещё не пришла, Миллионка особенно красива: свежий снег припорошил всё, что обычно выбрасывают из окон – как только он растает, снова появятся остатки еды, потроха забитых животных, но сегодня всё бело и празднично. А мне надо бежать. Бежать через проходные дворы, спускаться в подземные лазы, подниматься по чердачным галереям. Бежать – но куда? Единственное, что радует в этой жизни, – я метиска, и здесь, на Миллионке, я своя и для китайцев, и для японцев, и для корейцев. Если плохо знаешь этот район – далеко не убежишь: фанзы, хибары, лачуги, времянки стоят вплотную, подпирая друг друга, будто споря, кто выше. Нет, вы не подумайте, я отлично разбираюсь в языках – японский, китайский, корейский. Если не знаешь языка – не сможешь даже позвать на помощь, тебя не услышат. На Миллионке не действуют общепринятые законы, зато свои – соблюдаются жёстко, без компромиссов.

Того, кто не соблюдает их правила, ожидает суровая кара – вплоть до смерти. Впрочем, здесь запросто можно получить нож в бок или пулю просто так, если кто-то кому-то не понра-

вился. В Миллионке не принято церемониться, и едва ли не ежедневно в её кварталах находят по десятку, а то и гораздо больше трупов, зачастую зверски изуродованных, с отрезанными частями тела. Некоторые люди просто исчезают в трущобах навсегда, словно растворяясь в их мрачных лабиринтах.

Вот хорошая мысль – трущобы!

Мне надо бежать к трущобам, но я никогда не была внутри. Говорят, там так страшно, что даже самые отчаянные боятся заходить. Мои подруги, Енеко и Ся Линь, рассказывали, что подземные недра этой части города изрыты всевозможными ходами-лабиринтами, где можно надёжно спрятаться от преследования или тайно уйти за город, а по слухам – даже попасть в Китай.

О чём это я? Ах да, о людях, которые меня окружают с детства, и о языках, которые я хорошо понимаю… Понимаю, но говорить пока не всегда получается. Когда я была маленькой, хунхузы увели мою маму. Моя мама… Нет, пока не могу говорить о ней. Когда случилось то происшествие, мне было всего три года, и я перестала разговаривать. Через год речь вернулась, но с заиканием. Заикалась я до пяти лет, пока бабушка Май, немного колдунья, не научила меня говорить по-новому. Когда я застревала на каком-то слоге, я начинала петь. Со временем все привыкли к моей манере речи и не находят в ней ничего необычного. У меня много подруг, но дружбу с ними я скрываю от отца. В детстве он бил меня, если ловил за разговором с моими луноликими подругами, а теперь, когда бить поздно, ограничивается постоянным напоминанием: «Ты русская, русская, русская!»

Ну, хорошо, я русская. Конечно, мама у меня кореянка, а отец – русский. Мне надоели эти напоминания, но я не спорю. Русская – так русская. Но что плохого в том, чтобы быть японкой, кореянкой или китаянкой? Тем более что мы живём вместе, рядом, в этой самой, так презираемой моим отцом Миллионке. Мой отец, «человек не без образования», как он себя называет, двадцать лет назад был заброшен сюда, на Дальний Восток, и всеми фибрами души ненавидит Миллионку, её землю, жителей, трущобы и опиекурильни.

Отец хороший человек, но у него есть маленький, по его меркам, недостаток – он игрок. Сколько раз я стояла возле фанзы, где он застревал за игрой. Шёл дождь, снег, палило солнце – я всё стояла. Боялась заходить. Но час за часом я вынуждена была брать себя в руки, открывать дверь или поднимать тряпку, служившую входом. Подходя к фанзе, я уже чувствовала зло, исходящее оттуда. Дышать становилось тяжело – запах отбросов и нечистот валил с ног. И всё это добро лежало прямо перед порогом притона.

Внутри было ещё хуже. Низкие потолки, грязь и полумрак создавали ощущение подвала. Игроки сидели парами, а любопытные китайцы, жаждущие зрелищ, затаив дыхание, ждали начала игры. Комнатка была тесной, и вскоре от вони немытых тел и недостатка кислорода начинала кружиться голова. Игрокам было всё равно – они словно выходили из реальности. Игра затягивала их всё глубже, а этому способствовала и китайская водка с коротким названием Сули, которую с завидной регулярностью подносили игрокам. Порции были малы – налиты в крошечные стопки, вероятно, чтобы игроки не напились и не начали буянить, как это часто случается по русскому обычаю.

Брань на разных языках летала из угла в угол, не задевая никого, пока не появлялись проигравшие. Вот тогда всё и начиналось. Иногда только моё монотонное пение останавливало готовую начаться кровавую заварушку, но чаще – нет. Мой отец сцеплялся с другими игроками. Сначала это были слова, а потом…

Всё, пора думать о чём-то хорошем. Думать именно о хорошем. О папе. Мой папа, мой любимый папа… игрок. Это одна из причин, почему он оказался здесь, во Владивостоке, и конкретно – на Миллионке. Там, в Северной столице, отец проиграл родовое имение, расположенное всего в нескольких километрах от Петербурга, проиграл дом на Васильевском острове, а ещё… В общем, много чего он проиграл! Так много, что остался должен и был вынужден

бежать от своих кредиторов. Он бежал так долго, что очнулся только во Владивостоке и понял: его забег окончен. Дальше бежать было некуда.

Дальше была только заграница – Китай! Отец прихватил с собой кое-какие сбережения, но они быстро растаяли, ведь он привык жить на широкую ногу и ни в чём себе не отказывал. Когда деньги кончились, из меблированных комнат его быстро попросили.

Он ночевал сначала, благо было лето, прямо на песке у моря, а потом познакомился с моей будущей мамой – доброй и сердобольной женщиной. Ну, о маме поговорим позже, сейчас надо бежать, пока городовой не вернулся.

Вон, дядюшка Ку машет мне – путь свободен. Не знаю, помогали бы мне дядюшка Ку и другие знакомые, если бы моё лицо больше походило на папино, а не на мамино? Наверное, помогали бы, но вряд ли так охотно. Если присмотреться, в моём лице много славянского, но скулы и разрез глаз – явно азиатские. Зато я на голову выше любой моей азиатской подружки, да и фигура у меня…

Рядом с подружками-одногодками я чувствую себя ужасно толстой, хотя папа говорит, что я не толстая, а дородная. Он радуется, что ростом и фигурой я пошла в бабушку – его покойную маму. Говорит, если не смотреть на моё лицо, мы с бабушкой – просто двойники. Слава богу, хоть в этом я отцу угодила. Сам отец росточком не вышел. Я уже сейчас выше его не на одну, а на полторы головы, но это его не раздражает. Наоборот, он гордится мной! Хотя заслуги моей в росте нет никакой. Несмотря на гордость отца, мой рост приносит мне неприятности. В церковно-приходской школе, в которую я ходила до прошлого года, все шишки перепадали мне, хотя училось там пятьдесят человек. Часто батюшка Феофан смотрел в упор на какую-нибудь китайскую или корейскую девочку, а вызывал… меня! А я, как назло, урок по закону Божьему не успевала выучить.

Ну, не бум-бум! Какое там домашнее задание! Допоздна ныряла, ловила гребешков и устриц! Есть-то хочется!

А от папы с его аристократическими замашками мало чего дождёшься. В ожидании еды можно и умереть с голоду! До двенадцати лет меня воспитывала бабушка Май – мама моей мамы. Когда я жила у неё, хоть раз наедалась досыта. В остальное время питалась тем, что ловила в море или воровала. После смерти бабушки я вернулась к отцу – аристократу, и мне пришлось брать на себя не только своё, но и его пропитание. Но не будем сегодня о грустном! Сегодня великий день! Бабушка Май меня бы поняла, а отец – нет. И я ему не скажу, чтобы не начинались полудневные нравоучения о том, что подобает и что не подобает отпрыску аристократического рода.

Сегодня я впервые буду петь одна, перед публикой! Раньше пела только в церковном хоре, иногда солировала. При звуках моего голоса лицо батюшки Феофана смягчалось, но это никак не влияло на оценки. Пение – пением, а закон Божий надо учить! Несмотря на внешнюю бесшабашность, внутри я очень робкая. Славянская часть меня толкает на приключения, а корейская – боится всего. Поэтому я просто побоялась идти на прослушивание за пределы Миллионки.

Смешно, я боюсь центра города, а богатые и полиция боятся нашего района, как огня.

На Миллионке человек может легко исчезнуть, и никто не найдёт его следов, ведь, как говорят друзья, под Миллионкой простирается целый подземный город с тайными ходами и лабиринтами на многие километры.

Наверное, надо идти в ту хибару, что осталась мне от бабушки Май.

Домой с платьем не пойдёшь – начнутся поучения о чести и достоинстве, расспросы, примеры из прошлого. Хороший у меня отец, но смешной! По-моему, он думает, что еда на нашем столе появляется по волшебству, из воздуха.

Да, он, кажется, думает, что еда на столе появляется по волшебству.

Решено – домой не пойду. Надеюсь, дом бабушки не завалится мне на голову, пока я буду мерить платье! Дом бабушки – лёгкое деревянное строение с громадными щелями в стенах, которые беспорядочно залеплены глиной или землёй. Крыша покрыта хворостом и сильно придавлена слоем земли, словно пытаясь укрыть жилище от непогоды. Пол внутри земляной, окон нет, двери отсутствуют – вместо них висит полог из циновки. Печи в доме нет, зато есть лежанка из камней, у основания которой разводится костёр, согревающий в холодные вечера.

Жилища русских, то есть те, где сейчас живу я с папой, отличаются от китайских не сильно, но в них, как правило, есть железные печки, которые дают больше тепла и уюта.

Если взглянуть на дом бабушки со стороны, а также на другие дома, стоящие по соседству на Миллионке, то от разнообразия форм и расцветок просто рябит в глазах. Здесь можно увидеть всё – от самых причудливых и невероятных построек до скромных и простых жилищ. На всю улицу приходится всего несколько каменных домов, которые выделяются своей прочностью и солидностью среди разношёрстной деревянной застройки.

Я уже совсем собралась нырнуть под своды бабушкиного домика, как вдруг меня остановило восклицание:

– Не заходи туда, Си!

Си – это я. Вообще меня зовут Анастасия, Настя, но друзьям тяжело выговаривать это имя, поэтому они сократили его до двух букв. Моя японская подружка Енеко, заметив, что я обратила на неё внимание, поманила меня к себе пальчиком. В руках у неё была сумка со школьными учебниками, а в глазах – тревога.

– Не ходи туда, Си, – повторила она настойчиво.

– Почему? – машинально спросила я, хотя все мысли были о том, как я буду выглядеть в платье мадам Харуко, когда примерю его.

– Потому что мадам Харуко видела, кто украл у неё платье, – сказала Енеко, – и пока ты пряталась, к твоему отцу приходила полиция. Был обыск! Теперь, вероятно, придут сюда. Я слышала, что возле дома госпожи Харуко дежурит не только русская полиция, но и китайская. Они… – глаза Енеко наполнились слезами, – они ругаются и обещают жестоко наказать тебя, когда поймают.

– А откуда ты знаешь? – я ещё не до конца осознавала нависшую над мной угрозу.

– Когда облетает сакура, ветер несёт с собой не только её лепестки!

Вот так всегда: нет, чтобы сказать просто – беги, Настаська, спасайся! На тебя донесли те-то и те-то, а я узнала это от такого-то и такого-то, потому что на нашей Миллионке новости распространяются мгновенно. Но нет – обязательно завернут всё в загадочные слова про сакуру, божественный ветер и тому подобное…

Ну что ж, полетела я вместе с лепестками сакуры! Только вот куда?

Поймать меня полиция здесь не сможет. Год будут ловить – не поймают! Моя Миллионка – это город в городе, где можно жить годами, не выходя в богатую часть города. Здесь есть всё необходимое: лавки, магазины, забегаловки, небольшие рестораны, мастерские, парик-

махерские, бани, прачечные, «кабинеты» восточной медицины и обычных врачей, даже свои театры. Свежие морепродукты, провизию и разнообразный товар, в том числе контрабандный, можно купить на Семёновском базаре, который сливается с Миллионкой и служит убежищем для разных бандитов. Семёновский базар даёт возможность скрыться в случае опасности. Улочки Миллионки запутаны и кривы, таят массу опасностей для чужаков! Иногда расстояние между трущобами настолько узкое, что пролезть может только житель Миллионки – любой, кроме нашего квартального, Ивана Петровича.

Иван Петрович – это наш квартальный, который, как я узнала, вместе с подчинёнными теперь активно сотрудничает с полицией – и русской, и китайской. На Миллионке их две полиции – русская и китайская – и между ними постоянные споры и конфликты. Русская полиция старается поддерживать порядок по своим законам, а китайская действует в своих кварталах по своим правилам, иногда жёстко и безжалостно. Эти две силы часто сталкиваются, и порой их противостояние перерастает в настоящие стычки. Но когда дело касается таких, как я, – мелких воришек и простых жителей Миллионки, – обе стороны объединяются, чтобы найти и наказать нарушителей. Того, кто не соблюдает их правила, ждёт суровая кара – вплоть до смерти.

Вот почему Иван Петрович и его люди получили от господина Харуко столько денег, что можно было бы купить три таких платья, чтобы найти меня и наказать.

Я развернула платье и показала его Енеко, недоумевая, что в нём такого особенного. Я и раньше воровала – не из удовольствия, конечно, но всё же… Но никогда на меня не устраивали такую травлю. Вдруг воздух наполнился криками, стонами и угрозами, словно они звучали со всех сторон. Я покрутила головой, пытаясь понять, откуда шум. Когда решила спросить у Енеко, на её месте стоял сын приказчика Филька. Увидев, что я смотрю на него, Филька демонстративно встал напротив меня, загородив проход в ту щель, куда я собиралась юркнуть, если опасность станет неминуемой.

– Вот ты, Настька, какая! Там узкоглазых из домов выволокли, тебя ищут! А тебе хоть бы что! – сказал он с насмешкой.

– А зачем их выволокли? – я всё ещё не понимала и не верила.

– Ты что, правда ничего не понимаешь? – Филька покачал головой. – Городовые разделились. Одна половина сторожит узкоглазых, вытащенных из домов, другая обыскивает их фанзы – или как они там называют свои домишки. Ищут тебя, а если находят что ценное, забирают себе. Как у-ли-ку. Слово какое! Улика! Квартальный раза три его повторял, а я запомнил! Ну чего молчишь? Гордая шибко? Сейчас твою гордость…

Я поняла, что ситуация серьёзнее, чем казалась. Русская и китайская полиции на Миллионке – это не просто силы порядка, а мощные, порой враждующие структуры, которые вместе могут устроить настоящую охоту на любого, кто нарушит их правила. И мне предстоит быть очень осторожной, чтобы не попасть в их сети.

Я вздрогнула от крика, который донёсся совсем рядом.

– Что будешь делать? – спокойно, почти лениво спросил Филька.

– Буду пробираться в Корейскую слободу, там у меня дальние родственники.

– Не-а, – протянул Филька.

– Чего, не-а? – передразнила его я.

– Ту дорогу уже перекрыли! – ничуть не обидевшись, даже с какой-то радостью сообщил Филька.

– А если я попытаюсь скрыться через Пологую на Каторжанку? – я начала паниковать.

– И там всё перекрыто, – Филька уже забавлялся, открыто и от души.

Если бы не угроза поимки, то приказчиков сынок давно бы отведал моих кулаков. Но сегодня мне это было невыгодно. Сдержав себя, я спокойно и даже ласково спросила:

– И что же мне делать?

Свистки и крики приближались вплотную к щели, которую загораживал Филька.

– А что ты мне дашь, если я тебе скажу?

– А что я могу тебе дать? У меня ничего нет!

– А если подумать?

Но, и подумав, я не смогла вспомнить ничего ценного, что могло бы удовлетворить жадного Фильку. Время шло, а Филька по-прежнему мерзко улыбался, загородив собой проход. Я начинала злиться.

– А ну-ка уйди отсюда, придурок!

– За придурка цена увеличивается вдвое! А будешь драться – закричу, все сюда и сбегутся!

– Ну, что ты хочешь? – устало спросила я.

– Твой знаменитый гребень для волос!

– Филька, ну зачем тебе гребень? Ты же не девчонка!

– Ты Ваньку-то не валяй! Чай не глупее я тебя! – насупился Филька. – Продам я твой гребень и куплю себе сапоги!

– Побойся бога, Филипп! Это же мамин гребень! Как же я тебе его отдам?

– Ну, не хочешь мне – так полицейским отдашь! Да они и спрашивать тебя не будут, заберут и всё! Ну, отдашь гребень? А то мне уже надоело сдерживаться! Страсть как покричать хочется!

– На, забери, Иуда! И отойди от прохода!

– А совет что, уже не хочешь? Да не бойся, совет бесплатный! Беги к Семёновскому ковшу, только туда ещё дорогу не успели перекрыть, спрячься в катакомбах, пока всё не стихнет!

– Филька, знаешь, что…

– Что?

– Засунь свой совет, сам знаешь куда! И отойди в сторону, а то зашибу ненароком! Дура, я дура! Отдать гребень за совет, который я сама могла себе дать!

Я бежала знакомой дорогой, но звуки свистков и крики не отставали от меня. Сердце выскакивало из груди, но, несмотря на это, я ускорила бег. Вдруг остановилась. Опять это платье! Подол запутался в ветвях кустарника. В горячке я совершенно забыла о причине моих несчастий, и вот теперь эта причина не давала мне бежать дальше! Я дёрнула платье несколько раз, ткань трещала, но отцепиться не желала! Тогда попыталась осторожно освободить подол. Никак!

«Может, оставить проклятое платье висеть здесь, на кусте?» – с отчаяньем подумала я.

Ага, оно будет спокойно висеть, а меня будут гнать, как зайца! Нет уж! К счастью, куст был хиленький, но ужасно колючий и цепкий. Пока я ломала ветки, свистки неожиданно стихли и вскоре раздались с другой улицы.

Погоня повернула в другом направлении, но мне всё равно нужно было добраться до входа в катакомбы. С утроенной силой я приналегла на куст и наконец сломала его. Но вот закон подлости: как только это произошло, платье отцепилось и лёгким облачком упало на землю. Боюсь, что когда я поднимала платье, была с ним совсем не почтительна. И оно тут же отомстило. Сквозь мою оцарапанную ладонь пронзила новая боль – застёжка от цветка, который крепился прямо над грудью, впилась в мясо.

Я с огорчением посмотрела на свою несчастную ладонь. Да уж, не везёт так не везёт. Хорошо, что застёжка не оцарапала тело. Представила, как надеваю платье, а оно раздирает кожу над грудью.

Уф, ужас какой-то! Что это за застёжка такая, что так царапается? А как мадам Харуко его надевала? Или она знала о коварном цветке и была осторожна? Ладно, с платьем и застёжкой разберусь, когда буду в безопасности. Осталось совсем немного.

Когда я пробегала мимо японского храма Хогандзи – одного из старинных сооружений в районе Миллионки, где переплелись китайская и японская культуры – меня кто-то тихо окликнул, почти неслышно. Это был дедушка моей подружки Енеко. Он кивнул мне и поманил за собой, приглашая пройти в прохладные глубины храма. Соблазн был велик, но всё-таки надо было спрятаться получше. Не хватало ещё привести беду в дом Енеко! Поблагодарив дедушку, я побежала дальше.

Смеркалось. Если бы не это проклятое платье, я уже готовилась бы к концерту в гримёрной комнате у господина Тао – известного музыканта и учителя в Миллионке. Ну что ж, что случилось, то случилось!

Главное – до темноты добраться до входа в катакомбы, где можно будет укрыться и переждать бурю.

Глава вторая. Ся Линь

– Ся Линь, почему ты не в школе? Твой отец будет очень недоволен!

– Господин учитель сказал, что уроков больше не будет!

– Ся Линь, ты опять обманываешь! У кого из подружек ты этому научилась? Сколько раз я тебе говорила, что тебе разрешено дружить только с русскими детьми…

– Но, мама, я говорю правду! Господин учитель пришёл очень грустный и сказал, что школу закрыли навсегда.

– И что же мы теперь будем делать… Ся Линь, признавайся, это тебя Си подговорила? Вот паршивая полукровка! Сама не учится и другим не даёт!

– Мама, как тебе не стыдно! Ты забываешь, что я такая же полукровка, как и она!

– А вот и не стыдно! Я вчера, когда на Семёновский рынок ходила, такое про её мать слышала! А ведь правду говорят, что яблочко от яблони недалеко падает! Эта Си…

– Мама, её зовут Анастасия, а меня Мария!

– Но Ся Линь!

– Я Мария Ивановна Петухова! И не смей меня называть своим именем! Это ты Ся Линь, а не я!

– Но доченька, ты же знаешь, что в момент твоего рождения…

– Всё, не хочу я больше об этом слушать! А Си, если хочешь знать, вообще сегодня в школу не пришла! А господин учитель сказал, что ему очень жаль, что так получилось, но ему уже второй месяц не выплачивают зарплату, а у него жена и трое детей!

– Да, пожалуй, ты говоришь правду! Такого не придумает даже твоя Си. Ну что, будешь уже обедать? Только не вздумай отказываться от обеда! Ты и так похудела за этот месяц, как не знаю кто… Думаешь, не знаю, что ты подкармливаешь эту…, слушай, а что там за шум? Вот и к нам стучат. Боже! Да что же это такое, сейчас дверь сорвут с петель! Иду, иду!

Мать Ся Линь успела лишь подойти к двери, а дверь уже распахнулась. Трое полицейских – двое русских, один китаец – вошли в дом. Русские говорили, китаец переводил.

Мама Ся Линь не выдержала:

– Чжан, ты же знаешь, что я хорошо понимаю русский язык. Мой муж русский.

– Таковы правила, госпожа Ся Линь. Но, впрочем, хорошо, что мы все здесь понимаем по-русски. Все пройдёт проще.

– Что пройдёт проще?

– Допрос вашей дочери, Марии Ивановны Петуховой, – вступил в разговор один из русских.

– Но моя дочь ни в чем не виновата! Она только что пришла из школы. В школе отменили занятия, потому что…

– А разве кто-то из нас сказал, что девочка в чем-то виновата? – вкрадчиво спросил второй полицейский. – Мы зададим ей несколько вопросов в полицейском участке и отпустим.

– А почему вы не хотите задать эти несколько вопросов здесь, при мне?

– Таковы правила, госпожа Ся Линь. Таковы правила.

– Но что же все-таки случилось? Вы должны мне сказать! Я мать этой девочки! Скоро придёт со службы её отец, а что же я скажу ему?

– Не надо так волноваться! – вступил в разговор полицейский с вкрадчивым голосом. – К приходу господина Петухова девочка будет дома!

– Вы не можете увести мою девочку, не объяснив, что произошло!

– Таковы правила, госпожа, таковы правила, но… – начал свою мысль Вкрадчивый.

– …но из каждого правила есть исключения! – закончил китаец.

Мама девочки несколько минут постояла, осознавая сказанное, а потом покорно вздохнула и поплелась в соседнюю комнату, где у неё была спрятана в укромном месте кубышка с деньгами.

В это время первый полицейский, который все время молчал и лишь неодобрительно косился в сторону коллег – вымогателей, подошёл к девочке:

– Ты, девонька, давай собирайся! Что там тебе надо надеть? Тулупчик, валенки? Давай, давай, пообедаешь потом! Поговорим с тобой и вернёшься! Ещё и каша твоя не успеет остыть!

– Дяденька, а что я такого сделала?

– Тебе все объяснят в участке. Собирайся!

Пока мама девочки доставала из потайного места деньги, мужчины вывели девочку на улицу. Задержался лишь китаец.

– Вот всё, что у меня есть! – с грустью произнесла мама девочки, вложив деньги в руку своего соотечественника.

– Не нужно мне ничего говорить! – недовольно воскликнул китаец. – За эти деньги я могу сказать только одно: «Прощай!» И, боюсь, твою девочку ты увидишь не скоро! Ну что, я пошёл?

– Нет, нет! Вот ещё! Забери всё! Только скажи, что произошло? За что наказывают мою девочку?

– Не кричи так! – поморщился Чжан. – Никто её ещё пока не наказывает! Следить надо строже за ребёнком! Если бы она дружила с моей дочерью Сунь, ничего бы не случилось, а то…

– Хватит! – воскликнула женщина. – Я дала тебе деньги! Говори, что случилось!

– Если будешь кричать, я отведу тебя в участок! – спокойно сказал китаец. – Арестую за неуважение! Ну ладно, не кричи! Расскажу. Её подружка, кореянка-полукровка Си, украла платье у мадам Харуко. Подняли на ноги всю полицию, но найти воровку не можем! Твою дочь допросят. Нам нужно знать, где скрывается Си. Хотя что тут допрашивать, и так ясно, что укрылась она где-то в катакомбах!

– А если ясно, так зачем мою девочку спрашивать?

– Так положено по закону.

Оставим Ся Линь в полицейском участке ненадолго. В этих стенах ей ничего не угрожает. Тем более что начальник полиции хорошо знает отца девочки, господина Петухова. Но закон есть закон, ничего не попишешь. За сто лет процедура допроса мало изменилась. Вопросы такие же нудные и длинные. Писарь всё так же отвратительно скрипит пером и еле-еле успевает записывать.

Пятеро героев, с которыми вы пока не знакомы, эти февральским утром даже не подозревают о событиях, которые разворачиваются вокруг девочки Си. Более того, они и не подозревают о существовании этой девочки и её подружки Ся Линь. Хотя двое из них живут на Миллионке, один на Китайской, а третий… Но остановимся пока на двоих. Гриша и Николай живут на улице Пекинской, это тоже Миллионка. Но с девочками Си и Ся Линь они никогда не встречались. Может, в лицо и видели, но имени не знали. Не пересекались их дорожки. Да и школы были разные.

Глава третья. Гришка

– Гришка, ты слышал? Мужика утром мёртвого нашли!

– Ха, большое дело! Да у нас почитай каждое утро мёртвых находят! Вчера, говорят, аж тридцать китайцев преставились!

– Да ты дурак, дослушай! В том-то и дело, что это был русский! Мне Филька, сын приказчика с Семёновской, рассказал!

– Врёшь, небось! Побожись!

– Вот те крест! Ты бы побольше спал! Так и царство небесное проспишь! Полдень уже, а ты только глаза продрал!

– Ты, Николка, зажрался! Живёшь с батей и мамкой и не понимаешь, что мне сестрёнку малолетнюю и бабку кормить надо. Один я кормилец остался! Я всю ночь момент ловил, чтобы рыбу стибрить у ходи китайца!

– Гришка, ты что? Воровать нехорошо! Батюшка Феофан говорит…

– Слушай, Николка, а иди ты домой! Разбудил меня и спасибо, а то я что-то заспался после ночной! А теперь иди, иди! Иди, тебя мамочка ждёт!

– Гришка, ну ты что, обиделся? Ну не злись! Сам знаешь, язык у меня… Сначала говорю, а потом думаю! Ну, Гришка!

– Ладно, Николка. Не злюсь. Я так устал, что даже злиться на тебя сил нет! Так что там про убитого мужика?

– Да и не мужик он вовсе, а парень молодой! Лет на пять нас с тобой старше! Руки у него отрублены! А казённая рубаха изрезана в лоскуты!

– Казённая рубаха? А он что, на службе?

– А я тебе не сказал? Филька говорил, что парень матрос.

– Ну, всё, сейчас опять полиция набежит! Всю Миллионку обложат! Неделю ничего не стибришь!

– Григорий, побойся бога! Я тебе про душу убитую, а ты про воровство!

– Поголодаешь с моё, тогда по-другому запоёшь! Когда у Соньки живот вздувается от голода, все посторонние души побоку! Слушай, Николка, а уйди-ка ты лучше сам, пока я тебя с лестницы не спустил!

– Гриш, Гриша, ну послушай! Да не толкай ты меня! На! Рви его!

– Кого?

– Рви, Григорий, мой язык! Без языка мне будет лучше! Сколько бед он принёс мне, сколько ещё принесёт!

– Слушай, иди ты к бесу вместе со своим языком! Угораздило же меня за тебя вступиться, когда те четверо манз тебя избивали!

– Так не виноват я тогда был!

– Какая разница! Прошёл бы я мимо, и жизнь моя была бы сейчас проще!

Вялую перебранку мальчишек перебил крик женщины.

– Гришенька, иди сюда! Сонюшка вся горит и что-то бормочет во сне!

Кричала бабушка Гриши. Два года назад, когда отца и мать Гриши кто-то зарезал в одном из узких переулков Миллионки – районе, где тесно переплетались судьбы русских, корейцев, китайцев и японцев, где жизнь была суровой и полной опасностей, – её парализовало. С тех пор несчастная женщина мучилась, наблюдая за тщетными попытками мальчика помочь семье и не в силах ничем ему помочь.

Кровать неделю назад продали, чтобы расплатиться с долгами, и поэтому Серафима Михайловна и её внучка спали на какой-то дерюжке прямо на полу. Ночью из щелей в старой избе дуло немилосердно. Бабушка, как могла, кутала внучку и прижимала к себе. Слава богу,

хоть руки ей Господь оставил. Но где-то посреди ночи сон сморил её, и Соня во сне перекатилась к окну, прямо под одну из самых больших щелей. Когда под утро она приползла к бабушке, старая женщина сначала ничего не поняла, а когда поняла…

– Гриша, скорее беги к доктору! Чего ты стоишь?

– Бабушка, но доктор не пойдёт к нам, потому что у нас нет денег.

– Но как же так? Сонюшка же вся горит!

– Не пойдёт доктор. Тот, который был добрым, застрелился прямо на пирсе от тоски, когда судно в Россию уходило. А новый, говорят, лютый и без денег на крыльцо своей больницы не пускает.

– Но есть же другие врачи, не один же этот изверг на всю Миллионку!

– Гриш, говорят, в Докторской слободе есть врач, который лечит бесплатно.

– Николка, не рассказывай мне сказки! Нет таких докторов, которые лечат бесплатно. Господи, где же мне денег достать? За лечение надо много денег, много и быстро!

– Гришка, ты мне не веришь, а я знаю, что такой доктор есть! У моей мамки есть сестра, а у сестры подруга, которая живёт в Матросской слободке. И вот эта подруга…

– Колька, давай покороче!

– Вот всегда ты, Гриша, так, не даёшь толком ничего рассказать! Подруга долго болела, уже стала кашлять кровью, а он её вылечил. Бесплатно. А потом женился! Вот! Я даже знаю, как этого доктора зовут и где он живёт!

– Ну и где он живёт?

– Во дворе дома Токунаго. После свадьбы они перебрались сюда, на Миллионку.

– А как его фамилия?

– Аристарх Генрихович Селедкин! Ну и чего ты смеёшься? Разве человек виноват, что…

– Я не смеюсь. Пошли! А что ты так удивляешься? Ты меня убедил! Давай, давай, одевайся! Пошли!

– Да я как-то… Мне ещё мамке надо помочь. Она уже неделю зудит, чтобы я в подпол слазил за двумя банками помидор. И батя говорил, что надо приколотить…

– Пошли, пошли! Всё достанешь, всё приколотишь… Пошли! Покажешь мне этот дом, а дальше я сам!

– Но…

– Бабушка, я пойду к доктору. Вы продержитесь чуть-чуть? Я постараюсь обернуться за полчаса! Ну, Николка, пошли! Чего ты упираешься? Это куда нам надо идти?

– К нижней части Семёновской. Там, где она прилегает к рынку. Миллионка – это квартал, который был создан специально для китайцев. Однако это не означает, что здесь живут только представители этой нации. Здесь можно встретить дома, лачуги и фанзы русских, корейцев и японцев, которые теснятся друг к другу, оставляя лишь узкие проходы, ориентироваться в которых могут только местные жители.

Давайте отправимся в путешествие по одному из дворов Миллионки, например, по адресу Семёновская, 3, где расположен дом Токунаго.

Дом №3 по Семёновской славится своими красивыми коваными воротами, которые закрываются на ночь. Давайте вместе окунёмся в атмосферу одного из дворов этого квартала.

Войдя через ворота, вы окажетесь в длинном проходе, который выведет вас в проходной двор. Пройдя через него, вы выйдете на узкую дорожку между китайскими магазинами.

Цветные фонарики на вывесках подскажут вам, что здесь можно перекусить. Впрочем, о том, что здесь есть китайские рестораны, можно догадаться и без подсказок – неповторимый аромат китайской кухни расскажет вам всё без слов. А цилиндрические фонарики, развешенные вдоль дорожки, достойны того, чтобы ими полюбоваться.

Цветовая гамма на этих фонариках – настоящее искусство. Каждый хозяин ресторана, подвешивая фонарики, передаёт посетителям определённую информацию, заложенную в цветовом сочетании рисунка.

Когда вам покажется, что вы уже прошли через двор и приближаетесь к выходу, не спешите и не прибавляйте шагу, пытаясь убежать от многоязычного шума, усиленного и отражённого конструкцией двора. Такие дворы таят в себе множество сюрпризов, и двор по Семёновской, 3 – один из них.

Продвигаясь к выходу, вы можете наткнуться на кирпичную стену другого дома и решить, что оказались в тупике и вам пора возвращаться. Не бойтесь! Это всего лишь иллюзия! Идите смело, и вы окажетесь в узком проходе, перпендикулярном тому, который вы только что покинули. А вот и сюрприз: проход, по которому вы шли, становится похож на лабиринт. С одной стороны он забит досками, через которые можно перелезть, а с другой… О, это уже становится интересно! С другой стороны, вы упираетесь в здание китайского театра! Театрик двухэтажный.

Итак, вы идёте к театру, потому что, свернув направо и пройдя между торцом первого здания и фасадом театра, окажетесь ещё в одном, на этот раз более просторном, хотя и по-прежнему мрачном дворе. Теперь через подворотню из него можно выйти на улицу Пограничную…

Но нам с вами выходить никуда не надо. Наоборот, возвращаемся к началу. К железным воротам, которые ночью загораживают вход непрошеным гостям, а сейчас, днём, гостеприимно открыты.

С первого взгляда было видно, что два мальчика, которые торопливо направлялись к Семёновской, 3, были заняты серьёзным спором. Гриша настойчиво убеждал Колю поторопиться, в то время как Коля, по мере приближения к дому Токунаго, всё больше замедлял шаг.

– Колька, ты говорил об этом дворе? – спросил Гриша.

– Да, именно об этом. Но, понимаешь, Гриша, я вдруг вспомнил…

– Николка, что ты делаешь? Зачем ты поворачиваешь назад? Мне что, придётся тащить тебя за собой? Просто покажи мне квартиру этого доктора, и я пойду по своим делам. Ну, чего ты упираешься?

– Гриша, понимаешь, я…

– Всё, время на разговоры вышло. Если ты будешь продолжать в том же духе, я возьму тебя на руки, перекину через плечо и понесу. Ну что, идёшь?

– Ладно, иду. Твоя взяла.

– Ух ты, какие ворота! Нам бы такие во двор! Даже страшно мимо них проходить! Это сколько же всего на эти ворота пошло! Слушай, а этот Токунаго богатый, да?

У Гриши перехватило дыхание, он просто лишился слов, разглядывая ворота. Прошло какое-то время, прежде чем ребята всё-таки вошли во двор.

Трёхэтажное здание представляло собой огромный коридор, вдоль которого тянулись крытые галереи, соединяющиеся с флигелями маленькими и узенькими мостиками. Пространство здания, обрамляющее пустоту тесного дворового колодца, было буквально пронизано множеством входов и выходов, изломанных поворотами и закоулками. Двери тёмных коридоров, собирающие в густую гроздь многочисленные и крохотные китайские квартирки, помимо внутренних площадок и лестниц, выходили на галереи.

Такая планировка позволяла жильцам быть всегда начеку: двор прекрасно просматривался, и о любом изменении обстановки немедленно становилось известно всем жильцам. Пока незваный гость поднимался по высоким лестницам и плутал по тёмным закоулкам, хозяева успевали основательно подготовиться к встрече… Так произошло и сейчас. Ребята ещё не успели подняться даже на один пролёт лестницы, а их уже окликнул

Миллионка была не просто кварталом – это был живой организм, наполненный звуками, запахами и тайнами. По вечерам узкие улочки наполнялись ароматами жареного риса и пряностей, а в воздухе витал шум разговоров на нескольких языках – китайском, русском, корейском и японском.

Жители квартала жили в постоянной настороженности – здесь всегда можно было услышать шёпоты о предстоящих обысках, о новых разборках между кланами, о таинственных исчезновениях. Местные рассказывали, что в Миллионке обитали духи предков, которые охраняли покой дворов и наказывали тех, кто нарушал законы квартала.

Среди легенд ходили истории о призраках торговцев, которые по ночам возвращались в свои лавки, чтобы завершить незаконченные дела. Говорили, что в одном из дворов жил старик, который мог разговаривать с тенями и предсказывать будущее, а дети боялись проходить мимо его дома после захода солнца.

Очевидцы рассказывали, что в Миллионке можно было встретить самых разных людей – от уличных музыкантов и мастеров боевых искусств до тайных посланцев и контрабандистов. Каждый двор имел свои правила и свои тайны, а незнакомец, зашедший не в тот двор, рисковал не выйти оттуда живым.

В одном из рассказов старожила говорилось о том, как однажды ночью в Миллионке появился странник с загадочной книгой, которую искали многие. Его преследовали тени прошлого и настоящего, а сам он, казалось, был связан с древними мистическими силами.

Такие истории передавались из уст в уста, создавая особую ауру мистики и опасности, делающую Миллионку уникальным местом на карте города.

Архитектура и планировка Миллионки – прямое отражение традиций китайских фанз – многофункциональных жилых комплексов с внутренними дворами-колодцами, распространённых в южных и восточных провинциях Китая. Эти комплексы строились так, чтобы компактно размещать семьи, мастерские, лавки и общественные места, обеспечивая при этом безопасность и контроль над территорией.

В Миллионке, как и в традиционных фанзах, узкие проходы, галереи и лестницы создавали сложную сеть взаимосвязанных пространств, превращая квартал в лабиринт, где каждый двор был одновременно и домом, и крепостью.

Итак, повторюсь, такая планировка позволяла жильцам быть всегда начеку: двор прекрасно просматривался, и о любом изменении обстановки немедленно становилось известно всем жильцам.

Пока незваный гость поднимался по высоким лестницам и плутал по тёмным закоулкам, хозяева успевали основательно подготовиться к встрече… Так произошло и сейчас. Ребята ещё не успели подняться даже на один пролёт лестницы, а их уже окликнули.

– Эй, вы там, внизу, вы к кому идёте? Если к ходе-короеду, то опоздали! Помер он вчера!

– Нет, мы не к китайцу. Нам доктор нужен!

– Какой такой доктор? Сколько живу здесь, никакого доктора отродясь не было! Ты что, парень, сбрендил? Будет доктор здесь жить! У них своя, Докторская слобода, есть. Там, говорят, чисто! Почище, чем у нас на Миллионке и китайцев нет.

– Но как же, мне же Колька сказал… Колька, Колька, ты где? Куда спрятался?

– Если ты о мальчишке, который шёл следом за тобой, то сбег он! Ты только ногу на первую ступеньку поставил, а он сбег! Так, что ты там о докторе говорил?

Гришка был в недоумении, он не знал, что делать дальше: то ли бежать за обманщиком Колькой, то ли расспросить подробнее невидимого собеседника.

Глава четвертая. Ларочка

Помните, мы говорили о семи героях? Позвольте представить вам четвертого – маленькую девочку по имени Ларочка. Ей всего пять лет, и через несколько часов она станет пятилетней. По сравнению с другими персонажами, она совсем крошка, но у нее уже есть свой характер.

– Сегодня нашей маленькой барышне исполняется пять лет! И что же ваш отец обещал подарить вам на день именин? – спросила няня.

– Папа сказал, что отвезёт меня в театр! Я была там всего один раз, полгода назад! Надеюсь, он не поедет той дорогой, по которой мы ездили в прошлый раз, – мимо этой ужасной Миллионки! Там так воняло, что мне было плохо! А потом прямо под колёса нашего экипажа бросилась китаянка…

– Это была японка, Ларочка! – поправила няня.

– Ах, няня, какая разница, китаянка, кореянка, японка – они все на одно лицо! И музыка у них такая неприятная! У меня даже уши заболели. Я закрыла их ладошками, как сказал папа, но всё равно было слышно. Так много музыки, вся разная, и слышится отовсюду! Так напомни Семёну, чтобы вёз нас другой дорогой!

– Другой дороги нет, Ларочка!

– Тогда я не поеду! Я боюсь, няня! В прошлый раз я даже спектакль смотреть не смогла – всё вспоминала лицо той бедной китаянки!

– Японки, Ларочка! – повторила няня.

– Няня, ты не должна меня поправлять! Мне сегодня исполняется пять лет, и папа подарит мне один из своих пароходов! Я теперь буду пароходовладелицей!

– Господи, боже мой! Что за времена пошли – девочкам вместо кукол пароходы дарят! – пробормотала няня.

– Няня, что ты бормочешь? Уже пора собираться! Моё новое платье готово?

– Ещё вчера от портнихи привезли!

– А туфельки, а шляпка, а сумочка?

– Всё готово! Не волнуйся, маленькая!

– Няня, ещё сегодня я позволяю себя называть маленькой и малышкой! А завтра я уже стану большой! А во сколько я родилась?

– В шесть часов утра. Мама ваша, Елена Ивановна, царство ей небесное, так ждала вашего рождения, так ждала!

– Няня, вытри слёзы! Слышишь, папа приехал. А он не любит, когда застаёт тебя в слезах. Давай, одевай меня, я не хочу, чтобы папа задерживался из-за меня. Он мне ещё вчера говорил, что у него после спектакля важный приём в штабе флота.

– Надо же, такая маленькая барышня, а говорит такие мудреные слова! Да, когда мамы нет рядом, некому девочку научить играть в куклы!

– Няня, я не буду передавать твои слова папе, а то он тебя уволит! Как говорит папа, ты глупая, но у всякой глупости есть предел! Ну что ты плачешь? Да не скажу я ничего папе!

– Ларочка, я не от этого плачу! В этом платье и с этой причёской ты так похожа на свою маму! Я ведь нянчила ещё твою маму! Ты такая же красивая, как она! Только твоя мама была весёлой, жизнерадостной и беззаботной, а ты такая серьёзная!

– Всё, няня, хватит воспоминаний! Папа уже поднимается сюда! Папа, папа, я здесь! И я уже готова! Папа, а что случилось?

– Ничего не случилось! Маленькая моя, я поздравляю тебя с днём рождения! Вот мой подарок!

– Ты обещал меня отвезти в театр!

– Обещал? Ну, понимаешь, Лара, я не хотел тебя расстраивать, но…

– Что, но? Ты опять уезжаешь по делам? Тебя опять вызвали, а как же мой день рождения? Я…

– Лариса, перестань плакать! Никуда меня не вызвали! Сегодняшний день я освободил для тебя полностью, но… Театр, куда мы вчера собирались с тобой пойти, сгорел!

– Как сгорел?

– Ну как, как… Сгорел и всё! Что произошло на самом деле, никто не знает. И вообще это не моё дело! И не твоё тоже! Это дело полиции. Она и разберётся!

– Папочка, а разве нет других театров? Помнишь, ты меня возил…

– Я уже об этом подумал. Но и в этом театре сегодня представления не будет! Главную актрису, Полину Болеву, вчера выпороли розгами! И она вряд ли в ближайшие три дня поднимется с кровати!

– За что же её так? – тихо спросила няня. – Что же она, сердечная, такого наделала, что её розгами-то?

– Ларочка, пойди распорядись, чтобы закладывали лошадей. Ушла! Няня, это, конечно, не для ваших ушей, но, если вы спрашиваете… Розгами её выдрали за злостное уклонение от медосвидетельствования.

– Это что же, она… Батюшка, куда мир катится!

– Вы правильно догадались! Она совмещала занятие проституцией с игрой в театре. Ведущая актриса! Офелию играет! Прямо в театре ее розгами и отодрали!

– Боже мой!

– Папа, – обратилась к отцу вернувшаяся Лариса, – а что же ты велел закладывать лошадей, если сам сказал, что в театр сегодня мы не поедем!

– Ларочка, есть ещё один вариант! И от тебя зависит, воспользуемся мы с тобой им или нет!

– Папочка, я согласна на всё! Ты же знаешь, как я люблю театр!

– Ну хорошо, мы с тобой поедем в китайский театр.

– Папочка, нет! Я не хочу!

– Ларочка, ну перестань плакать! Так я и знал! Мы никуда не пойдём! Успокойся! Сейчас я возьму твою любимую книжку со сказками, и мы будем читать!

– А как же моё новое платье? Его никто не увидит? Нет, папочка, я передумала! Няня, где мои сапожки и шубка? Мы едем в китайский театр!

– Ларочка, детка, ты такая смелая девочка! Ты не будешь бояться?

– Я думаю, больше никакая китайская девушка не кинется под колеса нашего экипажа!

– Японская девушка.

– Это не имеет никакого значения! Они все на одно лицо! Няня, не грусти! Я всё-всё тебе расскажу, когда вернусь!

И действительно, на этот раз никто под колёса экипажа не кидался. Не встретилось им в пути ни китайских, ни японских девушек. Но зато на спектакле присутствовали девушки и женщины всех национальностей, проживающие на Миллионке – районе, где тесно переплелись судьбы русских, кореянок, китаянок и японок, где на узких улочках и во дворах звучали разные языки и голоса, где женщины ткали яркий ковер событий, который потом и определил судьбу этого города, где каждое событие было наполнено русским и азиатским колоритом.

Зал был украшен яркими бумажными фонариками, которые мягко мерцали, создавая атмосферу таинственности и восточного праздника. На сцене разыгрывалось китайское представление – с яркими костюмами, изящными движениями актёров и мелодичным звучанием традиционных инструментов, таких как эрху и гонг. Зрители, одетые в смешение национальных одежд – от русских платков до корейских ханбоков и японских кимоно – с замиранием сердца следили за сюжетом.

И среди них Ларочка с удивлением узнала ту самую девушку, о которой получасом раньше говорила. Странно, ведь Лара думала, что никогда не узнает японскую девушку, если встретит её ещё раз. Вот почему весёлый и красочный спектакль нисколько не заинтересовал девочку – голова её всё время поворачивалась к тому месту, где сидела несчастная девушка.

Но, впрочем, сегодня девушку вряд ли кто назвал бы несчастной! На выбеленном, по японскому обычаю, лице горел румянец. Блестели глаза. Веер, украшенный традиционными китайскими иероглифами и цветами, ходил ходуном, хотя в зале было совсем не жарко.

В какой-то момент девушку заслонил тощий японец в одежде разносчика воды – с простым льняным халатом и шапке ушанке, типичной для бедняков Миллионки. Он наклонился над девушкой и что-то спросил. Та отрицательно покачала головой, мужчина спросил ещё более настойчиво. Девушка упрямо опустила голову.

На парочку никто не обращал внимания – все были погружены в спектакль, который дошёл уже до своей кульминации. Герой на сцене взмахнул ножом и…

Затихший в ожидании кровавой развязки зал потряс крик Ларисы:

– Папа, он её убил!

Зрители стали снисходительно поворачиваться к Ларисе, а какая-то дородная дама сказала папе:

– Какая у вас кровожадная дочь! Герой ещё не убил героиню, а ваша дочь…

– Папа, вон тот дядя убил японскую девушку! Я видела! Он наклонился над девушкой и стал что-то требовать, а когда та отказала ему, он зарезал её. Наклонил её голову, будто она спит, а сам сорвал с её шеи шнурок с мешочком! Папа! Он открыл мешочек, там ничего не оказалось. Он перевернул мешочек, потряс его, а потом бросил на пол и стал топтать. Наверное, от злости и от досады, что зря убил девушку. Папа, не дайте ему уйти! Вот он, пробирается к выходу!

Снова вмешалась дородная дама:

– Ну и фантазия у вашей дочурки! Куда мир идёт! Что вы ей на ночь читаете? Сказку про синюю бороду? Боже мой… Какую-то девушку подняли… Кровь! Девочка сказала правду? Дайте мне что-нибудь! Я умираю от страха! Ох, мне дурно!

– Лариса, ты как себя чувствуешь? – пятнадцатью минутами позже спросил отец у девочки. – Голова не кружится?

– Нет, папа, я стараюсь вспомнить всё, чтобы ничего не забыть, когда буду рассказывать всё приставу!

– Рассказывать… Ты что, собираешься ехать со мной в полицейский участок?

– А как же! Я же всё видела! Ты смотрел спектакль, а я наблюдала за девушкой! Я её узнала, это та девушка, которая бросилась под колёса нашего экипажа.

– Как же ты её узнала? Ты же говорила, что они все на одно лицо! Может, это не та девушка?

– Та, я запомнила татуировку на её щеке! Вернее, раньше я думала, что ничего не запомнила, а как увидела её в театре, так сразу вспомнила! У мужчины я видела такую же татуировку, только он всё закрывал её ухом от ушанки. Но когда он начал уговаривать девушку, та рукой задела ушанку, и шапка чуть не свалилась на землю. Мужчина тут же поправил шапку, но я-то увидела…

– Какая же ты, Лара, наблюдательная. Но к приставу я тебя не повезу. Ты мне всё расскажешь дома, а я ему перескажу с твоих слов.

– Нет, папа! Ты не запомнишь всё! А я, когда рассказываю, вспоминаю ещё больше деталей. Вот, я ещё вспомнила! Мне показалось, будто одежда, которая была на этом мужчине, не его, а чужая. Будто он ряженый!

– Ну, это уже, Лариса, ты сочиняешь!

– А вот увидишь, папочка, когда его поймают, то сам скажешь, что я была права! Как всегда!

– А вот увидишь, папочка, когда его поймают, то сам скажешь, что я была права! Как всегда!

– И в кого ты такая наблюдательная?

– Когда мне бывает скучно, а скучно мне почти всегда, я беру твой бинокль, сажусь у окна и наблюдаю, наблюдаю, пока не стемнеет или пока няня не отправит меня спать.

– Ларочка, ты не забыла, что сегодня твой день рождения? Дома тебя ждёт торт, подарки, а вечером придут гости.

– Нет, папа, не забыла. А для этой девушки день рождения никогда не наступит!

– Лариса, в конце концов, это не наше с тобой дело. Это дело японского консульства. Здесь затронута международная политика.

– Папочка, я не понимаю таких слов. Но зато я понимаю другое: я единственная в зале видела лицо того, кто убил бедную девушку.

– Ну вот, ты опять об этом! Лариса, в конце концов, чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты взял меня с собой в полицию, и я там рассказала всё, что видела. А потом мы поедем домой. Будем праздновать день рождения.

– Ну, хорошо. Твоя взяла. Поехали. Семён, поворачивай. Поедем в полицейское управление. Что случилось, Семён?

– Так, это… Праздник у них сегодня.

– У кого, у них?

– У азиятов этих. Ну, китайцев, корейцев.

– И что? Почему мы-то стоим?

– Потому что шествие у них праздничное. Неужели не слышите?

– Такое чувство, что у них постоянный праздник. В любой день, как ни проедешь мимо, всё время отсюда несётся эта музыка пронзительная. Ну, хорошо, праздник. А мы-то чего встали?

– Так лошади же…

– Ты когда-нибудь научишься договаривать предложение до конца? Что лошади? О чём ты вообще говоришь?

– Не ругайтесь, барин, но лошади боятся шума. Боюсь, понесут. Барышня испугается.

– А праздник-то какой? Какой праздник?

– Юсяо, какой-то. Вчера дворовая девка сказывала. Вот так и сказывала, завтра последний день праздника Нового года у этих азиятов. Фонари будут красные и шарики из риса. Эта девка всё знает, её сестра замужем за китайцем.

– Слушай, Степан, а делать-то что будем? Надо же выбираться отсюда.

– Есть у меня одна задумка!

– Ну? Чего опять замолчал? Что за задумка?

– Вы возьмёте под уздцы левую лошадь, с левой стороны. А я возьму правую лошадь, с правой стороны. И так мы потихонечку их и поведём. Пока не выведем в тихое место. И тогда поедем!

– Да, глубокие мысли посещают твою голову, Семён. Ну что же, давай будем претворять твой план в жизнь!

– Чевой-то вы говорите? Вроде по-русски, а ничего не понятно!

– Пойдём, говорю! Ларочка, ты не боишься посидеть в карете несколько минут одна? Я ненадолго.

– Иди, папа! Чудно как, у нас Новый год давно прошёл, а у них только…

Последних слов отец Ларисы не услышал, так как вышел уже из кареты наружу. Пройдёт несколько дней, прежде чем отец увидит снова свою дочь и услышит её голосок. А произошло вот что.

Только лишь за отцом закрылась дверца кареты, как распахнулась дверь со стороны Ларисы, и две жилистые жёлтые руки схватили девочку в охапку. От неожиданности девочка потеряла дар речи. А когда пришла в себя и хотела крикнуть, оказалось, что уже поздно. Одна из жёлтых рук крепко держала девочку, а другая зажимала рот. Девочка даже не успела разглядеть лицо своего похитителя. Всё начало мутиться в её глазах, потому что странная жёлтая рука с татуировкой не только зажала девочке рот, но и одним из пальцев, дурно пахнущих опием, протолкнула круглую конфету в горло девочки. Малышка задохнулась и хотела прокашляться, но сил на это не осталось. И Лариса потеряла сознание.

Она не видела, как человек в надвинутой на лицо шапке-ушанке врезался в весёлую толпу, празднующую последний новогодний вечер. Музыка ярких китайских и корейских инструментов – эрху, гонга и бубна – смешивалась с криками и смехом, разносясь по узким улочкам Миллионки. Фонари из красной бумаги, украшенные золотыми иероглифами, мерцали в вечернем сумраке, а запахи жареных лепёшек и пряностей наполняли воздух.

Сначала никто ничего не понял, но потом кто-то из толпы заметил в руках убегающего безвольно обвисшее тело маленькой русской девочки. Послышались крики возмущения, но было уже поздно – мужчина с девочкой скрылся в проходном дворе, где тесные и запутанные коридоры Миллионки легко скрывают беглецов.

Я не могу последовать за мужчиной. Не успею и просто заблужусь в проходных дворах, пронизывающих Миллионку, просто застряну в узких щелях, через которые без труда протискивается тощий и маленький мужчина. Поэтому о судьбе девочки я поведаю позже. Когда мужчина, от пальцев которого пахнет опием, выберется на более ровное место.

А пока я познакомлю вас с пятым героем. Вернее, он расскажет о себе сам.

Глава пятая. Толи

Меня зовут Толи. Я – японец. Японец, родившийся во Владивостоке. Моё японское имя – Токагава, но мои друзья переиначили его в Толи. В этой странной истории, начавшейся в предпоследний день восточного Нового года, я играю не очень большую роль. Начну с того, что я самый старший в этой компании. Через полгода мне исполнится 15 лет.

Наутро, после того странного дня, я поссорился с дядей. Мой дядя серьёзный человек. Профессор археологии. Месяц назад он приехал из Токио, чтобы серьёзно заняться изучением истории государства Бохай. Это государство существовало очень давно, где-то здесь, на территории Приморской области. Дядя давно занимается этой темой, но, так сказать, заочно. А теперь он решил увидеть всё своими глазами. То есть увидеть хоть что-то. Потому что, естественно, всё это было очень давно, и от сильного государства давно ничего не осталось. Ну, если только какие-то черепки.

Мой отец держит большой магазин. Дедушка очень стар, чтобы работать. Мама и сестра Енеко сидят дома. И поэтому отец был не очень рад, когда узнал, что брат моей матери едет из Токио к нам. Как сказал тогда отец: «Ещё одна гиря на мою шею!» Но дедушка и мама пристыдили отца, и больше он на эту тему не заговаривал. Вплоть до самого приезда дяди.

Дом наш находится недалеко от Миллионки, на Китайской улице, в достаточно спокойном квартале, где проживают в основном русские. В тот странный день я принёс книгу, которую мы с друзьями нашли, когда бродили по подземным ходам, пронизывающим всю Миллионку. Вернее, один лист из книги. Но я лучше расскажу всё по порядку.

Если знаешь, куда идти, где поворачивать, куда подняться и куда потом спуститься, то бродить под землёй совсем не страшно. Но мне было страшно, потому что я очень слабо ориентировался в этих подземных коридорах и шёл туда, куда направлял меня своей железной рукой мой друг Павел. Второму моему другу, Сергею, тоже было страшно, но он не подавал вида. В отличие от Павла, уроженца Миллионки, Сергей с родителями лишь недавно приехал во Владивосток из центра России. Отец Сергея был чиновником, который быстро разочаровался во всём, что ему сулили, заманивая на Дальний Восток.

Около часа мы бродили по подземелью. Эти коридоры – словно древние артерии, скрывающие в себе тайны и мрак. Стены были сырыми и холодными, покрытыми плесенью и паутиной, а воздух – густым и затхлым, словно дышишь историей, запертой в камне. Где-то вдалеке капала вода, эхом отдаваясь в пустоте, и казалось, что в каждом шорохе таится что-то живое, что-то, что наблюдает за нами из тени.

Вдруг мне показалось, что по моей ноге что-то ползёт. Я невольно закричал и начал стряхивать с ноги эту гадость. Паника одолела меня за секунду, я покачнулся и начал падать. Голоса Павла и Сергея отдалились. Помню, Павел просил меня успокоиться и даже попытался шлёпнуть меня по щеке. Я оттолкнул его руку и, не удержавшись, налетел на что-то твёрдое, наверное, стену. Стена неожиданно легко поддалась под моим весом, и я начал падать вниз.

Это были самые страшные мгновенья в моей жизни. Пока я падал, успел попросить прощенья у всех: отца, матери, Енеко, дедушки и даже дяди, которому пока ничего плохого не сделал. Но всё-таки попросил прощения и у него.

Когда я, наконец, упал, мне показалось, что я летел очень долго, хотя Павел потом сказал, что прошло секунд двадцать пять. Вокруг было темно. Ушибленная нога горела огнём, вокруг меня пылало множество красных глаз, а по рукам ползло что-то скользкое и холодное. Я завизжал.

Через несколько секунд Павел бросил вниз зажжённую и промасленную тряпку. И когда эта тряпка достигла дна и приземлилась рядом со мной, перед моими полу ослепшими, после полной темноты, глазами предстало страшное зрелище. Вокруг меня двигались крысы, раз-

мером с взрослую кошку, а по рукам и ногам ползали змеи. Впрочем, кошмарное воинство чуть-чуть отступило, когда эта дыра осветилась. Змеи сползли с моих рук, крысы попятились, но не очень далеко.

Сергей и Павел что-то кричали, обещая помощь и верёвку, а крысы стали снова стягиваться вокруг меня. Ткань стала гаснуть, а я начал шарить вокруг, чтобы хоть что-то швырнуть в крысиную стаю. Наконец, под слоем земли, моя рука нащупала какой-то продолговатый предмет, что-то вроде книги. Это и оказалось книгой, но книгой очень странной.

Ломая ногти, я разгрёб верхний слой земли. Когда я в панике дёрнул книгу, чтобы освободить её из-под слоя земли, что-то просвистело в воздухе и больно ударило меня. В отблесках догорающей ткани я увидел то, что меня ударило, и заорал от страха ещё громче, чем раньше. Хотя несколько минут назад казалось, что громче уже кричать невозможно.

Книга была заляпана землёй и была твёрдой на ощупь. Твёрдая обложка защищала листы книги. Мой взгляд был устремлён на то, что соединяло книгу с предметом, стукнувшим меня. От книги шла цепь. Такой цепи я никогда не видел. А к цепи была прикреплена… рука. Отрубленная рука. Рука была одета в то, что когда-то было рукавом и… шевелилась.

Это было ужасно. Я, конечно, не думаю, что вид целого скелета на цепочке привёл бы меня в восторг. В этом случае я бы тоже, наверняка, испугался, но то, что я увидел сейчас, выходило уже за пределы страха и паники.

Когда я понял, что охрип и не могу кричать, то неожиданно для себя успокоился. Тем более что крысы и змеи куда-то исчезли. Книга в моих руках вибрировала, рука на цепочке начала шевелиться, а я успокоился. Но ненадолго. Рука вдруг начала хвататься и подтягиваться за звенья цепи.

Промасленная тряпица погасла, однако в этот момент к моим ногам шлёпнулась верёвка. Павел велел мне успокоиться и схватиться за конец верёвки. Я попытался выполнить то, что он приказал мне, но вдруг книга в моих руках начала неожиданно сильно трястись и вибрировать. Рука добралась до моего горла и попыталась задушить. Паника опять окатила меня своей горячей волной, и я выронил книгу.

Что-то осталось у меня в руке, но это что-то я обнаружил лишь в тот момент, когда меня, вопящего, брыкающегося и плюющегося, подняли наверх. Для этого Павлу пришлось спуститься вниз. Как он позже мне рассказывал, никаких отрубленных рук, книг, а также крыс со змеями он не видел.

В том состоянии, в котором я был в тот момент, меня на поверхность поднимать было нельзя. Поэтому прошло довольно много времени, пока увещевания Павла и Сергея дошли до меня, и я по крайней мере перестал повторять: «Рука… цепь… книга».

Наконец я успокоился и пришёл в себя до такой степени, что вспомнил, что сегодня день рождения моей матери, и все давно ждут меня и не начинают праздничную церемонию. Как только я сказал об этом Павлу, мы начали не торопясь подниматься наверх.

В какой-то момент нам послышался выстрел где-то в глубине подземелья, очень далеко, который, впрочем, больше не повторился.

Улица встретила нас шумом, треском, смехом и музыкой. Мы попали в эпицентр праздничного шествия. Новый китайский год достиг своей кульминации. Люди разных национальностей, среди которых были и японцы, смеялись, кричали и хлопали в ладоши в такт музыке. Поэтому на нас никто не обратил внимания.

Дойдя до условной границы Миллионки, мы расстались. Павел повернул назад, Сергей пошёл в сторону Тигровой, а я двинулся домой.

Подходя к дому, я уже не сомневался, что весь кошмар мне привиделся. Через чёрный ход я пробрался в умывальню. В гостиной гудели голоса родственников и знакомых, а я пытался умыться. Что-то мешало мне. И только здесь я почувствовал, что моя правая ладонь сведена судорогой. Как я ни старался, рука не желала расслабляться. Тогда при помощи левой руки я

стал отгибать один палец за другим. Рука вибрировала. Пальцы были как каменные. Но постепенно я успокоился и кулак расслабился. Боль была невыносимой. Мышцы, сведённые в кулак, стали расслабляться, и я чуть не закричал. Но вдруг боль внезапно исчезла. Рука расслабилась, упала вдоль туловища и завибрировала. Из ладони что-то выпало.

На полу умывальни лежало что-то, похожее на вырванную страницу из книги. Мне не хотелось наклоняться и поднимать лист. Лист был доказательством того, что все пережитое мной было на самом деле, а не привиделось мне. Но делать было нечего. Лист был, и от этого никуда не деться. Я поднял бумажный комок и разгладил его на первой попавшейся плоской поверхности.

Руки вибрировали. На листе была вязь иероглифов. К японским иероглифам она никакого отношения не имела, к китайским, по-моему, тоже. Да и, если честно сказать, на иероглифы, то, что было написано, было совсем не похоже.

Устав от разыгравшихся событий, я решил разобраться с листком попозже и попытался сложить его вчетверо и засунуть в карман. Не тут-то было. Листок, распрямившийся во всю свою длину, как бы задеревенел и не желал сгибаться.

Сдавшись, я схватил лист, пробрался в свою комнату и сунул его в первый попавшийся учебник. Книгу я поставил на книжную полку, на то место, где она раньше и стояла, и с чувством выполненного долга вышел в парадный зал, где меня уже ждали. Ждали и встретили гулом негодования, смехом и восклицаниями о том, как же я вырос и изменился с последнего дня рождения мамы. Как будто день рождения мамы был не год, а десятилетие назад.

Настал вечер. Я так устал, что даже одно воспоминание о походе в подземелье вызывало у меня тошноту и сильнейшее желание закрыть глаза и спать, не просыпаясь хотя бы дня два. Но мой дядя не знал о моём странном желании и разбудил меня рано утром. Очень рано. На улице было темно. Вьюга трясла оконные стекла, а дядя стоял рядом с моей кроватью и настойчиво повторял моё имя. В руках у дяди была книга, в которую я вложил листок. Книга тряслась и вибрировала. Дядя был очень зол и не скрывал этого.

– Токагава! Токагава! Токагава, да проснись же! Давай, просыпайся! Открывай глаза и не притворяйся, что ещё спишь!

– Дядя, с добрым утром! Да будет с вами благополучие! Но я на самом деле ещё сплю! Что такого страшного произошло, что вы меня будите так рано? Если вы не знаете, то занятий в училище у меня не будет ещё неделю. Нас отпустили на каникулы, а теперь можно, я…

– Нет. Теперь ты встанешь и объяснишь мне, что означает вот это? Ты решил меня разыграть? Меня, взрослого человека? Я давно говорил твоему отцу, что вам надо уезжать отсюда! Тебе не привили должного уважения к старшим! В этой стране вообще не знают такого понятия, как порядок и уважение! Того и гляди, скоро Енеко начнёт надо мной насмехаться!

– Дядя, да что произошло? Что я такого сделал? Если я опоздал на день рождения, то я уже извинился и…

– Вот, что произошло! И не притворяйся, что ты не понимаешь, о чём речь!

– Дядя, дело в том, что я нашёл книгу. А потом её выронил, потому что…

– Что ты там бормочешь? Ты знал, что я приехал изучать документы по государству Бохай и хотел разыграть меня этой жалкой подделкой? Да, письмена на этом листе очень напоминают письменность бохайцев, но уверяю тебя… И почему этот лист всё время трясётся? Это что, ещё одна форма издевательства надо мной? Ну что же, яблоко от яблони недалеко падает! У твоего отца не нашлось отдельной комнаты, чтобы поселить меня. И вот я делю спальню вместе с мальчишкой, а этот мальчишка…

Я проснулся в два часа ночи и ничего не мог понять! Что-то вибрировало с назойливой настойчивостью. Я пошёл впотьмах искать источник вибрации и нашёл. Вибрировала полка, на которой стояли книги, вибрировал книжный шкаф, вибрировал даже пол под шкафом.

Но особенно вибрировала вот эта книга. И самое главное, когда я вытащил эту книгу, остальная вибрация прекратилась. Но зато начали вибрировать мои руки.

Я открыл книгу и всё понял. Всё из-за этого листка! Ты решил разыграть меня? Устроил это представление с вибрацией с единственной целью, чтобы я нашёл этот лист и принял эту подделку за настоящую бохайскую письменность! Как ты мог?

И дядя швырнул книгу с вложенным листком на пол. И вышел.

Пол тут же начал вибрировать. Вибрация приблизилась к моей кровати, и тут я всё вспомнил. И, вскочив на ноги, я отбежал подальше от проклятого листка. Но было уже поздно. Вибрация, чуть коснувшись моих ног, тут же распространилась по всему телу. Мне вдруг стало очень хорошо! Рядом оказался стул, а то я бы сел прямо на пол. Так хорошо бывает, когда летом накупаешься в купальнях, на море, а потом лежишь под солнышком и чувствуешь, как влага испаряется под горячими лучами солнца, а ты и весь окружающий мир находитесь в гармонии. Так хорошо бывает в день твоего рождения, когда ты чувствуешь, что горячие лучи любви всей семьи сосредоточены сегодня на тебе. Так хорошо бывает… Я очнулся оттого, что вибрация прекратилась, а мои руки бережно сжимали странный листок. Как только мои руки и листок воссоединились, вибрация прекратилась. Как будто единственным желанием странного листочка было воссоединение со мной. Светало. Я сидел на стуле и, позевывая, крутил лист, не зная, что делать дальше. Спать уже не хотелось. Завтракать ещё рано. В комнату вошёл мой дядя. На его лице была написана растерянность и… Если бы я не знал своего дядю, то подумал бы, что его терзают муки совести и он хочет извиниться передо мной.

– Токагава, ты знаешь, со мной произошла странная вещь! У меня восстановилось зрение! Когда в досаде на тебя я вышел в гостиную, то подумал, что очки испачкались и их нужно протереть. Выполнив все нужные манипуляции, я снова надел очки. Но тут же почувствовал, что очки мешают мне. Тогда я вторично снял их и оглядел гостиную. Я всё видел без очков. Я понимаю, что это лишь самовнушение, но… Но, понимаешь, произошла ещё одна странная вещь. У меня прошла головная боль, которая мучила меня чуть ли не с самого приезда сюда, во Владивосток, и следом за головной болью прошло раздражение на тебя. И я вспомнил, как радовался, когда пятнадцать лет назад пришло письмо от моей сестры и я узнал, что ты родился на свет. Прости меня, Токагава, и, если ты не против, я… лягу спать. Ты не против?

– Нет, дядя!

Чтобы не мешать дяде, я надел пальто и вышел на улицу. Ночью снова выпал снег, и все вокруг спали. Я с удовольствием наблюдал за восходом солнца, замёрзшим льдом в бухте и белым снегом.

Вернувшись домой, я почувствовал странное беспокойство. Мне казалось, что я должен куда-то идти, куда-то подниматься и откуда-то спускаться. Я должен был что-то делать.

В доме я услышал плач. Он доносился из комнаты моей младшей сестры Енеко. Постучав в дверь, я не услышал привычного «Войди!» и подождал несколько минут. Затем осторожно приоткрыл дверь.

Енеко, моя любимая сестра, лежала на кровати навзничь и плакала. Войдя в комнату, я растерялся. Я знал, что без приглашения входить строго запрещено, но сегодня меня это мало волновало. Всё, что я знал, – это то, что моя сестра плачет. А я, как старший брат, должен ей помочь.

– Енеко, что случилось? Почему ты плачешь? – спросил я.

Сестра лишь глубже вдавила голову в подушку и зарыдала ещё горше.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог выяснить, что же произошло. Наша Енеко, при всей своей внешней сдержанности и невозмутимости, очень ранимая и впечатлительная девочка. Нашей семье вообще присуща сдержанность, но Енеко переплюнула всех. Никогда не знаешь, что происходит в душе этой девчонки.

И вот сейчас она горько рыдала из-за подружки, на которую полиция устроила травлю и которая исчезла две недели назад. Облава была отвратительна и так подействовала на Енеко, что она никак не могла прийти в себя. Так я в первый раз услышал имя Си. И грустную историю кореянки-полукровки, выброшенной волей судьбы на улицу. Про отца Си, который сидел целый день и ждал, когда девочка принесёт какую-либо еду в дом. Про мать Си, которую много лет назад увели хунхузы.

Успокоив Енеко и дождавшись, пока она заснёт, я на цыпочках вышел из её комнаты. Пока я находился в её комнате, совсем рассвело, и улица наполнилась привычным шумом. Из домашней молельни вышел дедушка и укоризненно посмотрел на меня. Последний раз я заходил в эту комнатку неделю назад, когда просил у Будды помощи на экзамене. Сделав вид, что очень тороплюсь, я поспешил в столовую. После завтрака, когда дедушка решил немного поговорить, я с удивлением узнал, что дедушка тоже знает подружку Енеко и даже видел её вчера, когда она в очередной раз спасалась от погони.

Машинально одевшись, я уже совсем собрался выйти на улицу, но меня окликнул дядя. Он стоял в дверях моей комнаты и смотрел на меня. Очки он так и не надел. Непривычно было видеть его без очков, но ещё непривычнее было видеть выражение мягкости на его лице. Мягкости и недоумения. Я разделся и вернулся в комнату. Дядя смотрел на меня и молчал. Молчал и я. Наконец, дядя спросил:

– Что произошло вчера? Я заметил, что с тобой что-то не так ещё на дне рождения, но решил расспросить тебя позже. А потом забыл об этом. Так что же случилось?

– Я… Вчера… Нет, дядя, я не могу об этом вспоминать! Прошу прощения, но я не могу!

– Давай я буду задавать наводящие вопросы, а ты просто отвечай «да» или «нет». Ты вчера был в таком месте, где раньше никогда не был, верно?

– Да.

– В этом месте ты увидел что-то, что тебя очень испугало, не так ли?

– Да, да, да! Дядя, я не хочу говорить об этом! Я боюсь!

– И всё-таки тебе придётся поговорить об этом. В последний раз!

– Дядя, я принёс оттуда лист из книги, о которой ты сказал, что это подделка. Эта книга… Если ты заставишь меня говорить о ней, я убегу из дома.

– Успокойся, Токагава. Я не буду тебя заставлять. Всё, что я хотел узнать, я уже услышал от тебя. Племянник, я тебе ещё не всё сказал. Несколько лет назад на раскопках я сломал ногу. Костоправ неправильно сложил кости, и я остался хромым на всю жизнь. Теперь боли мучают меня непрерывно, особенно когда на улице такая погода, как сегодня. Вчера перед сном я был готов к боли и даже лёг пораньше спать, надеясь проспать её. Обычно это не помогает, но в этот раз… Рано утром, когда я тебя разбудил, мне было не до ноги и не до предполагаемых болей. И вот сейчас… Сейчас я обнаружил, что моя хромота прошла и угроза боли, естественно, тоже. Ты понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Это значит, что ночью произошло что-то, что вылечило мою головную боль, мою хромоту и моё плохое зрение. Что ты на это скажешь?

– Нет, дядя! Я ничего не знаю! Ничего, ничего, ничего!

– А я думаю, что ты знаешь, только боишься сам себе признаться. Ну, отвечай, что ты принёс вчера в дом?

– Этот… Лист из книги… Там была книга, и я… Дядя, я не могу!

– Хорошо. Давай не будем больше об этом. Ответь мне лишь на последний вопрос: этот лист с письменами, похожими на бохайские, где ты его нашёл?

– Дядя, ты же говорил, что это подделка!

– Я был неправ. И всё больше склоняюсь к этой мысли.

– К какой мысли?

– Что я был неправ. А алфавит, которым исписан весь лист, подлинно бохайский. Пока ты был у Енеко, я тут кое-что сравнил. И пока могу сказать только одно: я был неправ. Так, где ты нашёл этот лист?

– В подземелье. Под Миллионкой. Я ходил туда с друзьями. С русскими, Павлом и Сергеем.

– С русскими друзьями – это хорошо! А вот то, что ты пошёл туда, не предупредив никого, – это плохо. Если бы с вами что-то случилось, мы бы даже не знали, где тебя искать.

– Ну, так уж получилось…

– Как получилось, так получилось, но пообещай мне, что в следующий раз возьмёшь меня с собой.

– Следующего раза не будет. Я никогда не вернусь больше туда.

– А если я тебя попрошу об этом?

– Нет! Дядя, не заставляй меня!

– Хорошо, хорошо! Успокойся. Давай позже вернёмся к этой теме. А сейчас пойдём поприветствуем твою мать. Я слышу её голос.

– Кенрю, – обратилась моя мама к дяде, как только мы появились в дверях, – что с тобой произошло? Ты помолодел на десять лет!

– Это потому, что он без очков, – сказал дедушка.

– Я думаю, дело не в этом, – засмеялась мама, – наверное, нашему Кенрю понравилась одна из девушек, приглашённых на день рождения. Не так ли, Кенрю? Давно пора!

Послушай, Токагава, – обратилась она ко мне, её чудесные глаза светились, – ты не почувствовал ночью толчки? Было что-то похожее на землетрясение! Я вскочила и хотела разбудить всех, но толчки прекратились. Ну, Токагава, что ты молчишь? Ты что-то почувствовал или нет?

Я перевёл взгляд на дядю. Он внимательно посмотрел на меня, а затем покачал головой.

– Нет, мама, я ничего не почувствовал, – ответил я.

– Сегодня воистину день чудес, – засмеялась она, – ты, Токагава, говоришь сегодня нормальным голосом! Где-то вчера на прогулке ты потерял свой голос. Когда ты вчера пришёл и говорил еле слышно, я подумала, что это надолго, недели на две. А сегодня всё в порядке! Ты заметил, отец? – обратилась она к дедушке.

– Да, Канин, я заметил! – ответил дедушка. – А скажи, Канин, как ты себя сегодня чувствуешь? Я слышал, ты опять кашляла всю ночь. Этот город буквально убивает тебя!

– Нет, нет, отец! Тебе показалось! Сегодня я кашляла гораздо меньше! А как только началось землетрясение, кашель прекратился совсем!

В это время вошла Енеко, хмурая и молчаливая. Дедушка и мама попытались её разговорить, но у них ничего не вышло, и они взялись за её воспитание. Я попытался выскользнуть из дома, но был остановлен восклицанием дяди.

– Подожди, Токагава, я пойду с тобой!

– Дядя, – от испуга я даже икнул, – я не пойду туда! Я не хочу идти туда! Я просто хотел подышать чуть-чуть свежим воздухом.

– Хорошо, Токагава, иди, гуляй! Просто я подумал, что никогда не гулял вместе с тобой! А ведь ты родился в этом городе и можешь показать мне самые красивые места! Судя по рассказам, Канин, здесь огромное количество красивых мест. Ну, возьмёшь меня с собой? У меня сегодня как раз выходной день.

– Конечно, дядя. Куда пойдём?

– Может быть, ты отведёшь меня в тот район, где был вчера? На эту… тысяченку!

– Миллионку?

– Да, на Миллионку.

– Дядя, Миллионка – это опасный район. Тебя могут среди бела дня убить только за то, что ты кому-то не понравился. За просто так! Тем более после позапрошлогодних событий.

– Племянник, тогда мне непонятно одно! Куда смотрят твои родители? И почему отпускают тебя в такое опасное место?

– Дядя, но я же не один туда хожу, а с друзьями. И потом, я же мальчишка, на меня никто и внимания не обратит, а ты взрослый и одеваешься ты… Ну, в общем, не так, как одеваются на Миллионке.

– То есть, если я оденусь по моде этой Миллионки, ты возьмёшь меня с собой?

– Дядя, не хочешь же ты сказать…

– Да, Токагава, именно это я и хочу сказать. Сегодня после обеда мы с тобой совершим экскурсию по Миллионке.

– Но, дядя!

– Племянник, ты можешь сделать это для меня?

– Хорошо, дядя, а можно мне взять с собой друзей?

– Да. Я думаю, так будет даже лучше. Это те ребята, о которых ты рассказывал? Те, русские?

– Да, это они. Павел и Сергей.

– Значит, решено. А теперь, дорогой племянник, давай прогуляемся по магазинам. Ты расскажешь мне, что носят сейчас во Владивостоке. Я и не подозревал, насколько сильно мужская мода здесь отличается от моды в Токио.

– Что ты, дядя, – рассмеялся мальчик, – какая там мода! Валенки, тулуп и ушанка – и никто не отличит тебя от местного жителя!

– Эх, Токагава, – вздохнул Кенрю, – если бы всё было так просто!

После прогулки по магазинам дядя и Толи сели на лавочку, и Кенрю сказал: – Я сейчас тебе кое-что расскажу, а ты слушай внимательно. Когда я закончу свой рассказ, ты поймешь, почему твоя вчерашняя находка так взволновала меня! Я уже давно интересуюсь историей Бохая и даже написал научную работу на эту тему. Однако я не считаю себя экспертом в этой области.

Сегодня я хочу поделиться с тобой своими знаниями о истории Бохая.

Территория Приморского края и Маньчжурии всегда привлекала завоевателей. Я начну свой рассказ с древнего племени мохэ, которое жило в этих краях. Это были тунгусские племена, известные своей храбростью и умением выживать в суровых условиях. Мохэ были предками многих народов, живущих здесь и поныне – маньчжуров, удэгэев, нанайцев.

Чтобы противостоять захватчикам, мохэ объединились и создали государство Бохай. Это было могущественное царство с пятью столицами и восемью провинциями, где строили дороги, города, храмы и дворцы – свидетельства высокой культуры и образованности. Это отмечали не только соседи – японцы, китайцы и корейцы, но и правительства дальних стран.

Однако объединение спасло бохайцев лишь на время. Мирная жизнь продолжалась всего несколько веков, пока не пришла сила, которая разрушила Бохай. Это были кидани – предки монголов и наследники гуннов, которые в начале X века разгромили Бохай и включили его земли в свою империю. На побережье сохранилось вассальное Восточное Красное государство с центром в Суйбине – ныне Уссурийске.

После этого народы, жившие на территории Бохая, стали называться чжурчжэни. Они вобрали в себя наследие мохэ и киданей, осознали необходимость быть готовыми к новым вызовам и окружили свои города и порты укреплениями. Так появилась Золотая империя – мощное государство, способное противостоять врагам.

Но монголы вторглись в Золотую империю, и после долгих войн большая часть государства была уничтожена. Только чжурчжэни продолжали сопротивляться, сохраняя свою культуру и традиции.

История этих народов тесно переплетается с легендами и мистикой Приморья. Мохэ и их наследники оставили после себя загадочные мегалиты, дольмены и священные места, где

жрецы Бохая проводили ритуалы. В горах до сих пор можно найти руины древних храмов и услышать шёпоты прошлого.

В XVII—XVIII веках русские достигли берегов Тихого океана, открыв новый этап в истории Дальнего Востока. Появились поселения, города, развивались сельское хозяйство, промышленность и торговля. Русские начали строить крепости для защиты своих владений.

Так переплелись судьбы народов и культур, образовав многослойный исторический фон, на котором разворачиваются события нашего времени.

Так возник город Владивосток. Не заметили ли вы в этой истории чего-то необычного?

– Нет, – ответил я.

– Это потому, что вы впервые слышите об этой истории. Вам сложно понять её сразу. Даже в упрощённом виде она сложна для восприятия.

А меня поразил этот народ, его воля к жизни и упорство. Бохайцев и чжурчжэней сжигали, убивали и уничтожали, но они возрождались снова и снова.

Теперь мне всё стало ясно. Но мне нужна твоя помощь.

– Чем я могу помочь?

– Расскажи, откуда у тебя лист. Не бойся. Я с тобой.

– Хорошо.

– Ты обещал отвести меня на Миллионку. Расскажи мне историю, пока мы идём.

– У меня есть два друга: Павел и Сергей. Мы собирались спуститься в катакомбы. Пролезая в очередной раз в узкую щель, ведущую из одного двора в другой, я спросил у Павла название улицы. Павел покрутил головой, задумался, а потом обратился к китайцу, который оказался рядом с нами. Спрашивал он на китайском языке – быстро, привычно, словно давно был знаком с местными жителями. Манза тут же ответил ему, не задумываясь, и его речь прозвучала как загадочная песня, полная скрытых смыслов.

Вот его ответ:

– Улица, по которой мы идём, называется «Двор, где на кривизне верхней части дерева повесился хозяин Ван».

Он говорил спокойно, будто это самое обычное дело – называть улицы по таким событиям.

– А ещё есть двор к северу от двора, где на кривизне верхней части дерева повесился хозяин Ван, – продолжил китаец, – и двор к югу от двора, где на кривизне верхней части дерева повесился хозяин Ван.

Он улыбнулся уголками губ, будто рассказывает детскую считалку, а не перечисляет места трагедий.

– А ещё, – добавил он, – есть двор к востоку от того самого двора, где на кривизне верхней части дерева повесился хозяин Ван.

Я слушал, и мне казалось, что мы попали в лабиринт, где все дороги ведут к одной и той же истории, повторяющейся из раза в раз, словно застывший в воздухе призрак.

Шедеврум

В этих названиях улиц и дворов слышалась не просто память о трагедии, а какая-то древняя, почти мистическая логика, свойственная только этим тесным, запутанным переулкам Миллионки. Здесь, среди запаха мокрых досок, пряностей и угля, время словно закручивалось в кольцо, и даже улицы не отпускали своих историй, повторяя их снова и снова, как заклинание. Дядя, почему ты так на меня смотришь? Если ты не понял, то я повторю: в общем, дядя, я спросил название улицы.

Павел спросил китайца. Тот ответил, что улица называется «Двор, где на кривизне верхней части дерева повесился хозяин Ван».

– А также есть двор к югу от того, где повесился хозяин Ван, и ещё один – к востоку.

– Всё, всё, всё! Токагава, остановись, пожалуйста! Мне всё понятно про дворы на Миллионке, но хотелось бы услышать подробности о том месте, где ты нашёл лист.

– Но, дядя, я же тебе об этом и рассказываю! Павел сказал, что если долго идти по этому подземному ходу, то можно, ни разу не выбираясь на поверхность, выйти за город и даже добраться до Китая! Ты представляешь, дядя, этим ходом можно дойти до Китая!

– Можно, Токагава, наверное, можно. Только нам с тобой Китай не нужен, что мы там будем делать? Давай лучше сразу вернёмся в Японию, на родину твоих предков. До Японии ход нас не доведёт?

– Дядя, я понимаю и ценю ваш юмор, но что мне делать дальше? Рассказывать или нет? Я не смею продолжать, если вам стала неинтересна моя история или вы в неё не верите!

– Прости, мальчик мой, я увлёкся! Конечно, рассказывай! Я не буду больше перебивать!

– Хорошо, дядя, если вы готовы слушать, то я продолжу своё повествование! Дядя, что с вами?

– Подожди, племянник, ты не слышал этого?

– Чего?

– Ты не слышал, как нас зовёт твоя мама?

– Да, слышал. Но думал, что показалось. Мы уже очень далеко от дома.

– Да, наверное, показалось. Человеческие уши не способны слышать зов на таком расстоянии. Ну вот опять! Я отчётливо слышу, как твой отец ругает Енеко!

– Да, дядя, я тоже это слышу! Дядя, мы заболели?

– Нет, не думаю. Ну всё, слава богу, что наваждение прошло! Я больше ничего не слышу, а ты?

– И я не слышу.

– Ну, продолжай, племянник, рассказывай свою историю! Ты остановился на том…

– Я остановился на том… Дядя, мне плохо! У меня кружится голова! И всё тело вибрирует! Дядя, я хочу домой!

– Что, что с тобой, Токагава?

– Мне надо домой! Домоправительница вздумала заняться уборкой!

– Токагава, о чем ты говоришь?

– Дядя, я вижу это! Она протирала пыль и уронила на пол книгу с листком внутри. Книга и листок полетели в разные стороны.

– Токагава, почему ты весь трясёшься? У тебя озноб?

– Нет, дядя, мне уже лучше! Домоправительница хотела выбросить лист в мешок с мусором, попыталась его согнуть, – мальчик зябко передёрнул плечами, – но, когда у неё ничего не получилось, решила вложить его снова в книгу, а книгу положить на место. Уф! Лист в безопасности!

– Токагава, и как мне понимать то, что ты мне сейчас наговорил? Может, вернёмся домой?

– Нет, зачем? Уже всё в порядке! Мы рядом с домом Павла. Ещё две-три минуты, и мы будем на месте.

– Подожди, Токагава, я хочу кое-что рассмотреть. Здесь что-то написано. Написано на разных языках. Вот и на японском языке, кстати, тоже. О, это интересно! Через полчаса здесь начнутся крысиные бои. Принимаются ставки. Токагава, подожди меня, куда ты побежал?

– Дядя, я ненавижу крыс! В том месте, где я нашёл лист, были полчища крыс. Наверное, целый миллион или миллиард!

– С крысами всё понятно! А петухов ты тоже боишься?

– Нет, конечно.

– А тараканов?

– Дядя, вы опять шутите?

– Нет, я серьёзно! Вот в этом балаганчике начнётся сейчас петушиный бой, а рядом тараканьи бега. Что бы ты хотел посмотреть?

– Дядя, если вы не против, я хотел бы продолжить наш путь. Вот ворота во двор, где живёт Павел.

– А этот… Павиел…

– Павел, дядя. Его зовут Павел.

– Этот Па-ве-л… Как легко тебе даётся выговаривание этих мудрёных русских имён, и как тяжело мне. Этот Павел, он не удивится, что ты привёл меня с собой?

– Думаю, что нет. Ну вот мы и на месте. Дядя, пожалуйста, сдвиньте вот этот кирпич! А то у меня не хватает сил. Вот так! Павел такой выдумщик! Когда поворачивается этот кирпич, в жестяную трубу летят мелкие камни. Павел слышит это из своей квартиры и понимает, что пришли свои. Это он придумал!

– Надо же, мне всё больше и больше нравится твой друг, хоть я его ещё и не видел. Смотри-ка, кирпич встал на место. Что, ещё раз сдвинуть его?

– Да нет, всегда хватало одного раза! Может, его нет дома? Дядя, вы не против, если я просто покричу ему?

– Я не против. Но, бедный мальчик, как же ты далёк от культуры своих предков. Разве в Японии мальчик из порядочной семьи позволил бы себе такое? Стоять и кричать под окнами!

– Дядя, его наверняка нет дома. Иначе он бы уже появился.

– Токагава, а не проще ли пойти и постучать в ту дверь, за которой он живёт?

– Мне это ни разу не приходило в голову. Он никогда не приглашал меня к себе. А я не хожу никуда без приглашения.

– Я рад, что хоть это Канин тебе привила. Понимаешь, Токагава, я… Слушай, а почему вдруг стало так шумно?

– Дядя, сегодня последний день китайского нового года. Вероятно, такой шум из-за того, что все веселятся. Это начинается праздничное шествие! Дядя, пойдём, посмотрим!

– Что, я, праздников не видел?

– Такого, дядя, я уверен, ты не видел! Ну, пойдём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.